

СОВРЕМЕННОЕ ВЗРОСЛЕНИЕ

Н.Н. ТОЛСТЫХ

На материале зарубежных и отечественных исследований обсуждаются проблемы современного взросления, затрагивающие периоды отрочества, юности и молодости. Показано, что в разных странах существуют разные представления о том, кого считать взрослым, и что эти представления, равно как и сами маркеры взрослости, заметно изменились за последние десятилетия. В большинстве стран в результате произошедших за последнее время социо-культурных изменений наблюдается удлинение периода взросления, который сегодня не только не заканчивается с окончанием отрочества, но и занимает практически весь период молодости, охватывая и третий десяток жизни человека. Наряду с увеличением времени взросления происходят заметные изменения в содержании таких возрастных периодов, как отрочество, юность и молодость.

Ключевые слова: взросление, мораторий, отрочество, юность, молодость, маркеры взрослости, чувство взрослости, самосознание, коллективистическая культура, индивидуалистическая культура, советский подросток социокультурные изменения.

Еще полгода назад статью на эту тему мы написали бы вместе с Анной Михайловной Прихожан. С ней мы нередко обсуждали проблемы современных детей и подростков в их отличии от тех, кто были детьми и подростками десятилетия назад. Обсуждали и то, как буквально на глазах меняются детство, отрочество, юность и в целом, и применительно к тем отдельным фактическим результатам, которые каждая из нас получала в эмпирических исследованиях, и даже просто болтая о разных житейских историях и наблюдениях. В разные годы именно об этом нами были подготовлены несколько публикаций [Прихожан, Толстых, 1990, 2011], этому уделили внимание и в учебнике «Психология подросткового возраста», работа над которым была закончена за две недели до безвременной смерти Анны Михайловны, и который в настоящее время вышел в издательстве ЮРАЙТ [Толстых, Прихожан, 2016]. Вот почему текст настоящей статьи — это, по сути дела, плод нашей общей работы. В ней речь пойдет о том этапе взросления, который приходится на период отрочества, юности и молодости.

Обсуждение проблемы современного взросления можно начать с поиска возможных ответов на простые, казалось бы, вопросы: когда, в

каком возрасте человек может считаться взрослым? Какие требования предъявляет социум к взрослому человеку? По каким критериям можно понять, состоялся ли этот переход? Когда и на основании чего сам растущий человек начинает считать себя взрослым? Сегодня для большинства исследователей проблем «переходного возраста» очевидно, что ответы на эти и подобные им вопросы во многом зависят от тех предствлений о взрослости, которые складываются в определенной культуре на определенном этапе ее развития, но, что еще более важно для нас в данном случае, ответы эти вопросы заметно трансформировались на протяжении последних десятилетий.

Есть все основания полагать, что развитые страны сегодня характеризуются описанным, а точнее сказать, предсказанным М. Мид переходом от пост- и кофигуративного типа культур (постфигурации и кофигурации) к префигуративному типу культуры (префигурации). Это, в первую очередь, проявляется в изменении взаимоотношений между поколениями: взрослые перестают быть единственным и неоспоримым источником знаний для молодых, опыт родителей теряет для детей ту ценность, которую имел в постфигурации и, пусть меньшую, — в кофигурации. Образно М. Мид описала это так: «Еще совсем недавно старшие могли говорить: “Послушай, я был молодым, а ты никогда не был старым”. Но сегодня молодые могут им ответить: “Ты никогда не был молодым в мире, где молод я, и никогда им не будешь”» [Мид, 1988, с. 360]. Такая культурная трансформация стирает психологические границы между детством и взрослостью. Протескно описывает современную ситуацию взросления Н. Постман. С его точки зрения, в современной культуре остались лишь три возрастных периода. Границы двух из них — младенчества и старости — определены биологически, а между ними «группа неопределенного возраста, где всем между 20—30 годами, и они остаются в таком состоянии, пока не наступит пенсия»¹.

Известно, что в большинстве стран возраст 18 лет (в некоторых странах 21 год) официально считается началом взрослости, однако с конца XX и в XXI веке ученые получают все больше данных о том, что между завершением подросткового возраста и началом зрелости фиксируется достаточно длительный, почти десятилетний период (практически до 30 лет), который уже не является в собственном смысле подростковым, но еще и не становится периодом действительной взрослости. В часто цитируемой статье Джеффри Арнетта, психолога из Мэрилендского университета, опубликованной в 2000 г. [Arnett, 2000] автором был предложен термин «*emerging adulthood*», который можно перевести как «нарастающая взрослость» (встречаются также переводы «становление

¹ Постман Н. Исчезновение детства [Электронный ресурс]. NeilPostman. ucoz.ru.

взросления» и «взросление в развитии»). Дж. Арнетт акцентирует протяженность периода взросления, вызванную, как он полагает, сложностью для молодого человека обретения себя в современном мире. Дж. Арнетт также подчеркивает растущую вариативность путей и темпов взросления: современные показатели, критерии, маркеры взрослости оказываются различными на разных путях взросления, и к тому же они непоследовательны и обратимы [Arnett, 2011].

В США такие классические признаки взрослости, как брак, рождение детей, материальная независимость, отдельное от родителей проживание сегодня перестают выполнять функцию маркеров взрослости. Если в 70-х гг. прошлого века этим критериям взрослости отвечали до 70% молодых американцев, то в 2000 г. таких было уже менее 50% [Furstenberg, Kennedy, McCloyd, Rumbaut, Settersten, 2004].

В последние десятилетия во многих развитых странах увеличивается возраст вступления молодых людей в брак. Например, если в США в 70-х гг. прошлого века средний возраст вступления в брак для девушек был 20,8, а для юношей — 23,2 лет, то в 2008 г. он составил соответственно 26,2 и 28,0 лет, эта тенденция продолжилась и в последующие годы². На более поздний срок отодвигается и время рождения детей. В ряде развитых стран средний возраст, в котором у женщины появляется первый ребенок, приближается в наши дни к 30 годам. Изменяется и отношение к работе. С одной стороны, для многих юношей и девушек построение карьеры оказывается более важным, чем создание семьи, а с другой, поиск своего профессионального пути продолжается на протяжении всего периода нарождающейся взрослости.

Меняются и взаимоотношения с родителями. Если еще в конце XX в. молодежь стремилась к экономической и эмоциональной независимости от родителей, то современные молодые люди не только не хотят избавиться от родительской опеки, но, напротив, все больше демонстрируют потребность в родительской поддержке — как материальной, так и эмоциональной. Они как будто хотят подольше оставаться детьми, предпочитая и в возрасте за 20 жить совместно с родителями. Для таких людей в английском языке появилось даже специальное название — кидалты (*kid-adult* — в буквальном переводе — ребенок-взрослый). Это явление ярче всего проявляется в тех странах, где еще совсем недавно молодые люди практически сразу после окончания школы начинали жить самостоятельно — в студенческом кампусе, на съемной квартире и т. п., и где даже состоятельные родители, поощряя эту самостоятельность и содействуя ее развитию, сознательно лишали своих подростков детей материальной поддержки.

² U.S. Bureau of the Census; Web: www.census.gov.

В проведенном в 2012 г. исследовании Университета Кларка, где работает Арнетт, было показано, что половина американцев в возрасте от 18 до 29 лет не считают себя взрослыми. В исследовании, опубликованном в 2014 г., приведены данные по респондентам от 25 до 39 лет, которые, по сути, переворачивают устоявшееся представление о модели взросления. Эта модель описывает движение, которое можно условно обозначить как движение от «МЫ» к «Я». Если подросток отчаянно стремится присоединиться к группе, потому что только так он может понять, кто он такой, то у взрослого человека «МЫ» отходит на задний план, а на передний выходит уникальное и неповторимое собственное «Я». В исследовании, о котором идет речь, выявлено следующее: современное поколение вступающих во взрослую жизнь американцев оказывается поколением, которое от «Я», взрослея, переходит к «МЫ», обретая при этом традиционные подростковые черты: ощущение свободы, беззаботного наслаждения радостями бытия, — и, игнорируя реальность, ожидает того же в дальнейшем³. М. Золотухина свою статью, посвященную взрослению по-американски, предваряет эпиграфом из Скотта Фитцджеральда: «Взросление — чертовски трудная штука, гораздо легче перейти из одного детства в другое» [Золотухина, 2014]. И похоже, сегодня, в XXI веке, это можно отнести ко все большему количеству молодых людей и не только в США.

Во многих странах Запада зафиксирован новый феномен, получивший название «дети-бумеранги» (*boomerangchild*). Термин уже вошел в американский толковый словарь Merriam-Webster. Дети-бумерангами называют молодых людей, которые после окончания школы, в соответствии со сложившейся ранее традицией, вначале пробуют жить самостоятельно, но затем довольно быстро возвращаются в родительский дом. Так, в 2010 г. более половины 18—24-летних американцев жили с родителями, из них более трех четвертей были удовлетворены этим обстоятельством. Родители также в основном оказываются этим довольны [Pew Research Center, 2012].

Однако в целом современное американское общество озабочено увеличением числа молодых людей, которые в возрасте 25 и более лет предпочитают проживать с родителями, «сидя на их шее». Для таких молодых людей было придумано название «твикстеры». Твикстер — неологизм от английского «twixt» — между, т. е. человек, находящийся между детством и взрослостью. Твикстеры обычно либо сидят без работы, либо часто меняют ее в надежде найти работу не только высокооплачиваемую, но и интересную. Примерно по той же причине они часто меняют и сексуальных партнеров, чтобы в конце концов найти ту или того, с кем можно

³ <http://news.clarku.edu/news/2014/08/27/new-clark-poll-finds-millennials>.

было бы создать счастливую семью (как правило, после 30 лет). Сфера потребления твикстеров характеризуется тем, что, даже в случае хорошего заработка, они не тратят своих денег ни на родительскую семью, ни на дом, в котором проживают, а только на развлечения, путешествия, модную одежду, гаджеты и прочие игрушки.

Такое явление характерно не только для США, но и для других развитых стран. В Италии таких молодых людей называют «*bamboccioni*» (большие мальчики—куклы), в Англии — «*sponge*» (губка) и «*basementdweller*» (подвальный житель, поскольку им как временное жилье часто отводят комнату в подвальных помещениях дома), в Германии — «*nesthocker*» (слово, не имеющее прямого перевода и образованное от «*nest*» — гнездо и «*hock*» — клюка, опора), иными словами «птенец, не вылетающий из гнезда» — «Отеля Мама», в Японии — жестко и прямо — «*parasitesingle*» (одинокие паразиты).

Описанный феномен объясняют по-разному. Психологи в лице того же Дж. Арнетта склонны интерпретировать его как последовательно удлиняющийся мораторий, который могут предоставить богатые страны молодым людям для экспериментирования, поиска себя, своей идентичности. И этот мораторий необходим, поскольку во все более сложном мире на пути индивидуального развития все труднее обрести свою индивидуальность. Социологи и экономисты, напротив, рассматривают поведение твикстеров как уход от реальности, связанный со страхом перед будущим, перед взрослой жизнью. «Для многих молодых людей, — об этом пишет А.А. Галеева, анализируя зарубежные источники, — возможность свернуться «калачиком» в своей комнате, включив «Звездные войны», является иллюзорным способом уйти от внешнего мира»⁴ с его непредсказуемостью, экономическими трудностями, которые, в частности, приводят к высокому уровню безработицы среди молодежи.

При любом объяснении речь идет о феномене, отражающем процесс развития личности в контексте индивидуалистической культуры, где одной из важнейших ценностей является личная независимость. Иначе, но в определенном смысле с сохранением того же вектора выглядят проблемы взросления современных молодых людей в рамках коллективистической культуры.

Если говорить о такой стране с типичной коллективистической культурой, как Китай, то следует начать с того, что до сих пор здесь сильны традиции конфуцианства, которые предполагают значительно отличающийся от западного тип связи детей с родителями. Эти традиции предписывают ребенку уважать родителей и пожизненно заботиться о них как

⁴ Галеева А.А. Портрет поколения; Твикстеры // Сайт Infoculture.rsl.ru. Культура в современном мире. «011. № с1».

материально, так и в реальных взаимоотношениях, включая совместное проживание даже после того как сын или дочь заводят свою собственную семью. Родители, в свою очередь, также в течение всей жизни должны заботиться о своих детях — поучать их, контролировать поведение с тем, чтобы дети не совершали ошибок, не вступили на неправильный путь. Это никогда не делается прямо, в лоб. В китайской культуре выработана целая система воздействия родителей на детей, которая позволяет говорить о «скрытом контроле». Если на Западе экспериментирование, собственные пробы и ошибки являются магистральным путем взросления и обретения себя, то в Китае учеба на собственных ошибках расценивается как недоработка родителей, долг которых сделать все для того, чтобы ребенок этих ошибок не совершал. Такой стиль воспитания гонконгский психолог Чинг-ман Лам называет «стратегическим авторитарным воспитанием». Глубокая связь детей и родителей определяется традиционными китайскими принципами организации общественных отношений: «бао» («взаимность»), «гуаньси» («связи») и «гуань» («управление») [Chao, 1994; Chao, Sue, 1998].

В традициях коллективистической культуры, не только китайской, но и других, отношения человека с другими людьми видятся как иерархия зависимостей: от кого-то зависишь ты, кто-то зависит от тебя. Поэтому цель воспитания — научить ребенка существовать в системе разного рода зависимостей, уметь вписаться в определенную группу (в семье, на работе), интересам которой человек подчиняет свои интересы. Родители придают социальным взаимодействиям даже большее значение, чем исследовательской активности (высоко значимой для индивидуалистической культуры), целенаправленно содействуя развитию сильной зависимости ребенка от родителей. Такая зависимость расценивается как высоко адаптивная характеристика, способствующая развитию общественной ориентации.

В этом контексте привлекают внимание феномены, характеризующие процесс взросления в современном Китае. Описанные традиции семейного воспитания сильны и сегодня. Они одновременно ускоряют и замедляют процесс взросления. Показательны результаты опроса 207 студентов разных факультетов одного из университетов Пекина (113 девушек и 94 юноши), средний возраст — 20,54 года. На вопрос: «Достигли ли Вы зрелого возраста?» больше половины (59 %) респондентов ответили «да», 35 % — «в чем-то да, в чем-то нет», и только 6 % сказали категоричное «нет» [Nelson, Badger, 2004] (сравните эти данные с тем, что было сказано выше о взрослении в США).

Относительная быстрота перехода к восприятию себя взрослым связана в числе прочего с фактическим отсутствием в современной социо-культурной ситуации Китая характерного для западных стран мо-

ратория — такого периода, когда молодой человек уже обретает независимость, в том числе финансовую, но еще не обременен социальной ответственностью и может предаваться удовольствиям и поиску себя. Молодой китаец сегодня не может себе позволить экспериментировать ни с выбором профессии, ни с выбором места работы (конкуренция на рынке труда слишком велика), у него нет ни времени, ни возможностей на проигрывание различных жизненных сценариев. Жизнь заставляет его максимально быстро сделать профессиональный выбор и начать движение по карьерной лестнице.

Но одновременно китайцы в определенном смысле остаются «вечными детьми», всю жизнь сохраняя зависимость от родителей, тесную связь с ними. Для китайских подростков не характерен период бунта. Даже испытывая недовольство и раздражение чрезмерным родительским контролем, они, тем не менее, подчиняются ему, так как конфуцианское требование подчиняться оказывается по-прежнему достаточно сильным.

В последние 20—30 лет в китайском обществе наблюдается мода на так называемую кавайность. Кавайность (от китайского — вызывать любовь) — это способность своим внешним видом и манерой поведения вызывать у других людей чувство нежности, желание защитить, позаботиться. «Кавайность», — пишет Е. Кузьмина, — появилась на Тайване в середине 1990-х, в пору активной эмансипации тайваньских женщин. По мере обретения женщиной независимости и отхода от традиционной модели, в которой все женские роли реализовались внутри семьи, конфуцианский идеал скромной и послушной жены, благоговееющей перед мужчиной, все больше терял привлекательность. «Кавайность», или инфантильная женственность, позволяла хотя бы внешне сгладить возникшее противоречие» [Кузьмина, 2014].

Постепенно кавайность распространилась и на молодых мужчин, причем это характерно не только для Китая, но и для других стран Дальневосточного региона. Кавайность как специфическая иллюзия молодости, если не детства, оказывается оборотной стороной раннего взросления, что свидетельствует о сложности, неоднозначности процессов взросления в современных коллективистических культурах.

Происходящий сегодня переход к префигуративному типу культуры размывает не только границы между детством и взрослостью, но и границы между странами и культурами. И М. Мид также об этом писала, отмечая, что если раньше, несмотря на долгую историю развития кофигуративных механизмов передачи культурного опыта, существовали большие различия в культурном багаже, которым владели представители разных слоев общества в разных странах, различия в опыте народов, населявший разные уголки Земного шара, то сегодня, благодаря карди-

нально с приходом интернета изменившейся системе коммуникации, «у молодых людей возникла общность опыта, того опыта, которого никогда не было и не будет у старших. И наоборот, старшее поколение никогда не увидит в жизни молодых людей повторения своего беспрецедентного опыта перемен, сменяющих друг друга. Этот разрыв между поколениями совершенно нов, он глобален и всеобщ» [Мид, 1988, с. 360].

Итак, наиболее важными характеристиками современного взросления, если судить о них по зарубежным исследованиям, являются следующие.

Во-первых, переход от детства к взрослости существенно удлиняется, простираясь до 30 и даже более лет. В разных странах и культурах это выражается в разных формах и описывается разными терминами. Наряду с данными психологических, социально-психологических, социологических и культурологических исследований, аргументом в пользу необходимости раздвинуть временные рамки переходного от детства к взрослости периода стали полученные в последние годы данные нейронаук. Доказано, что мозг развивается, по меньшей мере, до 25 лет. Вплоть до этого времени продолжается формирование мозговых структур, отвечающих за эмоциональный контроль и когнитивную деятельность высокого уровня, за планирование и предвидение последствий своих решений, за контроль импульсов, сопоставление риска и результата [Райс, Долджин, 2010].

Во-вторых, происходит изменение критериев (маркеров) взрослости. Если ранее в качестве таковых выступали объективные, внешние критерии (финансовая независимость, создание семьи и рождение ребенка, начало профессиональной деятельности, отдельное от родителей проживание), то в последние годы такие маркеры становятся все более субъективными, внутренними (субъективное восприятие себя как взрослого человека, ответственность за принимаемые решения и поступки).

В-третьих, наблюдается последовательный отход от нормативного понимания как маркеров, сроков, так и путей достижения взрослости: люди, принадлежащие к разным социальным слоям, к разным культурам, воспитывающиеся в разных семьях, идут к взрослости разными путями и достигают ее в разное время.

Что можно сказать об изменениях в процессах взросления в России? Каких-то систематических исследований на эту тему нет, но те исследования отдельных сторон развития подростков и юношей, которые позволяют осуществлять кросс-исторические сравнения и сопоставить фактологию, получаемую сегодня, с той, которая имела место 20, 30, 40 лет назад, говорят о значительных трансформациях процессов взросления, неслучайно связанных с теми социо-культурными изменениями, которые происходили в России в эти последние десятилетия. Так, в ряде

работ изучалась динамика изменений ценностных ориентаций у подростков, юношей, молодых людей [Буреломова, 1913; Журавлева, 2006; Собкин, 1997], динамика их художественных предпочтений [Собкин, Писарский, 1992], мотивации и перспективы будущего [Толстых, 2007, 2010], изменение характера и выраженности различных отклонений от нормативного развития личности и поведения (алкоголизм, наркомания, сексуальное поведение и т. п.) [Собкин, Абросимова, Адамчук, Баранова, 2005; Собкин, Кузнецова, 1998], изменение содержания и выраженности страхов [Прихожан, 2000] и др. В большинстве случаев исследователи формулируют весьма правдоподобные гипотезы о детерминированности выявленных трансформаций теми изменениями в общественно-политической и культурной жизни страны, которые характеризовали соответствующие периоды (брежневский застой, горбачевская перестройка, лихие 90-е, нулевые и т. п.). В некоторых случаях можно увидеть тенденции, совпадающие с общемировыми трендами. Так, с определенным отставанием во времени, но в общемировой логике меняется отношение российских подростков к сексу [Собкин, Абросимова, Адамчук, Баранова, 2005].

Ниже будут представлены материалы, свидетельствующие, как нам представляется, об одной из таких общемировых тенденций, но полученные при изучении российских подростков. Речь пойдет о тенденциях развития самосознания и личностной рефлексии в период отрочества, которая будет прослежена в логике кросс-исторического сравнения. Отправной точкой для этого сравнения послужило проведенное под руководством Л.И. Божович исследование Т.В. Драгуновой [Драгунова, 1961].

В этом исследовании, которое проводилось в конце 50-х гг. прошлого века, московским школьникам-подросткам предлагалось перечитать ключевые фрагменты автобиографической трилогии Л.Н. Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность», отмечая те моменты, которые особенно обратили на себя внимание — понравились или, наоборот, вызвали отрицательное отношение.

Трилогия Л.Н. Толстого была выбрана потому, что на протяжении длительного времени в целом ряде работ русской дореволюционной, а отчасти и зарубежной психологии именно ее герой Николенька Иртенев рассматривался как типический образ подростка со всеми «классическими» особенностями переходного возраста. Так, в работе Л.Д. Седова «Психология юношеского возраста», опубликованной в 1897 г., приводились данные, собранные как самим автором, так и рядом других психологов и биографов, которые свидетельствовали о том, что Николенька Иртенев действительно воплощает в себе наиболее характерные черты подростка. Чертами «классического» подростка считались следующие: возникновение интроспекции, ведущей к самоуглублению, само-

анализу, появление особого интереса к своим переживаниям, неудовлетворенность внешним миром, уход в себя, что выражается в замкнутости, стремлении к одиночеству, склонности предаваться мечтам, появление чувства исключительности, стремление к самоутверждению, противопоставление себя окружающим, конфликты с ними. Т.В. Драгунова ставила перед собой задачу выяснить, насколько похожим на себя считали советские подростки Николеньку Иртеньева.

Важно в данном случае отметить то, что советский строй при подчеркивании пролетарской сущности государства одновременно ориентировался на полноценное проживание подросткового возраста и поэтому эталоном образования и воспитания являлся не «рабочий», а именно «буржуазный» подросток, конкретными воплощениями которого были юные герои произведений Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, И.С. Тургенева, С.Т. Аксакова, И.А. Гончарова, В.П. Катаева и др.

Результаты проведенного Т.В. Драгуновой исследования показали, что многие подростки не только отмечали интересные для себя моменты трилогии, но и давали довольно подробные комментарии к ним. Впоследствии психолог анализировал эти заметки, а главное — очень подробно беседовал с каждым подростком. В ходе беседы речь шла о Николеньке Иртеньеве, об отношении подростков к его поступкам, мыслям, переживаниям. Подросткам также предлагалось решить, как они сами действовали бы в сходных обстоятельствах, и сравнить Николеньку со своими товарищами «и вообще с нашими ребятами».

Какие же выводы были получены?

Во-первых, примерно в 12 лет у советских подростков конца 50-х гг. XX в. фиксировался перелом в отношении к себе: появлялся интерес к своему внутреннему миру, они начинали думать о себе, что роднило их с Николенькой. Однако, как писала Т.В. Драгунова, такие размышления «...не являются самоцелью, а связаны с анализом своих поступков, своих достоинств и недостатков. Эти размышления переживаются подростком как необходимость, так как, дорожа общественным мнением и отношением к себе окружающих, подростки стремятся выработать в себе такие черты, которые позволяли бы им добиваться успехов в деятельности и улучшать взаимоотношения с другими людьми. В связи с этим подростки осуждают Николеньку за то, что он был постоянно поглощен только самим собой и мало думал о своих поступках. Важно отметить, что наши подростки размышляют главным образом о своих поступках. Это не случайно, так как именно поступок является актом общественного поведения» [Драгунова, 1961, с. 135—136].

Какую бы характеристику «классического» подростка ни рассматривала Т.В. Драгунова — размышления о себе, интроспекцию, самоуглубление, чувство одиночества и стремление к одиночеству, самоутверж-

дение, она с завидным постоянством проводит одну и ту же мысль: да, все эти черты в той или иной мере присущи советскому подростку, но они иные по содержанию и играют совершенно иную роль, не замыкая человека на себе, а лишь еще более способствуя его общению с другими, его жизни в коллективе. «Наши подростки обращаются к анализу своей личности, — писала Т.В. Драгунова, — как к средству, необходимому им для организации своей деятельности и взаимоотношений с окружающими людьми. В этом, мы думаем, заключается основная функция размышлений наших детей о себе в подростковом возрасте» [Драгунова, 1961, с. 140]. Понятно поэтому, что вслед за высказываниями своих испытуемых — подростков конца 50-х гг. XX в. — исследователь полностью отрицает реальность той «пустыни отрочества», о которой писал Л.Н. Толстой. Напомним, что «пустыня отрочества» для Толстого (для Николеньки Иртеньева) — это период, когда разорвались те связи с матерью, с другими домашними, которые были в детстве, и еще не возникла юношеская дружба.

Позже, в 1979 г., Л.И. Божович в статье из известного триптиха «Этапы формирования личности в онтогенезе», посвященной психологии подростка, комментируя исследование Т.В. Драгуновой, отмечала, что при всех отличиях советских подростков конца 50-х гг. от Николеньки их объединяет именно возникающая в этот период способность к рефлексии. Она писала об этом так: «... общими для всех подростков, независимо от различия в их социализации, являются те психологические особенности, в основе которых лежит развитие рефлексии, порождающие потребность понять самого себя и быть на уровне собственных к себе требований, т. е. достигнуть избранного образца» [Божович, 2008, с. 351—352].

А.Н. Леонтьев рассматривал способность к личностной рефлексии, универсальную для подросткового периода, в качестве основного механизма «второго рождения личности» [Леонтьев, 1975, с. 211]. Та же мысль содержится практически во всех работах по подростковому возрасту начала и середины XX в.

В конце 80-х гг. мы с Анной Михайловной Прихожан попытались описать психологию подростков эпохи перестройки и ответить на вопрос, на кого эти подростки похожи больше — на толстовского Николеньку или на «драгуновских» подростков конца 50-х [Прихожан, Толстых, 1990]. Тогда мы не располагали результатами, полученными по экспериментальной схеме Т.В. Драгуновой, однако, опираясь на проведенные нами исследования самосознания, высказали некоторые соображения об общих тенденциях протекания подросткового кризиса в те годы. Эмпирические данные, полученные самыми разными способами, на самых разных выборках — в Москве и в Орше, в городе и селе, в базовой школе Академии педагогических наук СССР и обычной средней

школе «спального» района, в интернате для детей-сирот, — свидетельствовали об одном и том же — о невыраженности личностной рефлексии у большинства тогдашних подростков. Причем это было характерно не только для 12-летних, но и для более старших школьников, включая 16-летних. Создавалось впечатление, что подростки как бы растворяются в потоке жизни, не выделяя себя из него и даже сопротивляясь этому выделению.

В 2009—2010 гг. мы повторили исследование Т.В. Драгуновой на выборке современных подростков и получили следующие результаты.

Едва ли не самым трудным было уговорить школьников прочитать отрывки из трилогии Л.Н. Толстого, характеризующие переживания и мысли Николеньки. Нельзя сказать, что это было связано с низким культурным уровнем детей. Мы сознательно выбрали для эксперимента хорошую московскую гимназию с сильной гуманитарной программой. Участвовавшие в эксперименте школьники имели хорошую речь, могли достаточно свободно выражать свои мысли. Однако задача выделить те фрагменты текста, которые созвучны или противоположны собственным внутренним переживаниям, мыслям, оказалась для них сложной. Но не потому, что они испытывали затруднения в понимании и анализе текста, а потому, что им было сложно соотнести свои переживания с описанными Л.Н. Толстым. Не только 12—13-летние, но и более старшие подростки не идентифицировали свои переживания, мысли с переживаниями и размышлениями Николеньки о себе. Это проявлялось как в отсутствии непосредственного эмоционального отклика на прочитанное, так и в ответах на специальные вопросы экспериментатора. Возникло впечатление, что они искренне не понимают, какое отношение размышления Николеньки могут иметь лично к ним. Типичным в этом плане является ответ одного из семиклассников: «Думать о себе? Анализировать? Да я и так о себе все, что надо, знаю или как-нибудь узнаю, если понадобится».

Подростки 1950-х г., на чем делает акцент Т.В. Драгунова, идентифицировали себя с Николенькой, непосредственно сопереживая ему во всех жизненных ситуациях, даже если его поступки, мысли они оценивали отрицательно: «Умом осуждаю, а чувством нет». Иными словами, Николенька для них был близким, понятным сверстником, к которому они относились как к своему однокласснику, он был одним из них. Для современных подростков Николенька — почти марсианин, в лучшем случае литературный персонаж, наравне с героями басен И.А. Крылова или «Слова о полку Игореве».

В процессе индивидуальных бесед нам было чрезвычайно трудно вызвать подростков на разговор об их размышлениях о себе, о своих чув-

ствах и переживаниях. Приведем в качестве характерного фрагмент из интервью, когда на вопрос экспериментатора: «Размышляешь ли ты когда-нибудь о себе?», мальчик с искренним недоумением ответил: «Да что, у меня других дел, что ли нет!».

Пожалуй, единственный фрагмент из трилогии, который вызывал более-менее живой отклик, причем как у младших, так и у старших подростков, касался переживаний Николеньки ситуаций унижения со стороны француза-гувернера. Испытуемые Т.В. Драгуновой тоже остро воспринимали ситуацию унижения. Отличие от них современных школьников состояло в том, что чувство унижения они связывали не с тем, что взрослые относятся к Николеньке как к маленькому (как это было у советских подростков), а с неуважением человеческого достоинства подростка в принципе. Т.В. Драгунова, интерпретируя полученные данные, делает вывод о возникновении в подростковый период такого особого новообразования самосознания, как чувство взрослости, которое считает ключевым для кризиса подросткового возраста. Фиксируя как эмоционально значимую ситуацию унижения подростка со стороны взрослого, современные подростки никогда не видят в этой ситуации унижения взрослым ребенка, а только унижение личности одного человека другим. Похоже, что для современных подростков чувство взрослости в описанной в психологической литературе форме (стремления обладать правами взрослого, но не его обязанностями), не свойственно. Им не надо бороться за свои права, для большинства из них соблюдение этих прав естественно. Для современных подростков наиболее значимыми оказываются такие, не связанные с чувством взрослости ценности, как самоуважение, личное мнение, собственные права и желания, что подтверждается изучением системы ценностей, которое было проведено нами на той же выборке.

Еще один фрагмент, на который обратили внимание современные подростки, в основном старшие и в основном юноши — это сложные отношения Николеньки с Дмитрием Нехлюдовым, другом его старшего брата Володи. Эти отношения они прямо трактовали как любовь и проявления бисексуальности. Это было одно из немногих мест повести, которое их непосредственно эмоционально затронуло. Проблема бисексуальности в современной подростковой среде достаточно остра и значима, о чем пишут Э. Эриксон, И.С. Кон и другие. Однако этот вопрос в данном случае выходит за рамки рассматриваемой темы.

Подводя итоги исследования и сравнивая его результаты с полученными ранее, отметим тенденцию последовательного снижения рефлексивности у российских подростков. Если школьники конца 50-х обладают достаточно высоким уровнем рефлексии, то у подростков

80-х она оказывается слабо выраженной, а у современных подростков практически не выявляется. Подростки конца 50-х еще ощущают себя похожими на российского «буржуазного» подростка XIX века. Для современных школьников «буржуазный» подросток Николенька Иртенев — чужой, непонятный и неинтересный человек. Вместе с тем, они не похожи и на подростков 1950-х. Для последних общая деятельность, коллективизм не были пустыми словами, это были ценности, имевшие для них личностный смысл и выступавшие реально действующими мотивами. Если вспомнить знаменитое противопоставление А.Н. Леонтьева «реально действующих» и «только знаемых» мотивов, то можно сказать, что у современных российских подростков коллективистические мотивы не только не являются «реально действующими», но вряд ли являются и «только знаемыми». Перестав быть коллективистами, превратившись в индивидуалистов, они парадоксальным образом утратили рефлексивность.

Таким образом, наши результаты, наблюдения и беседы с подростками, данные других авторов позволяют поставить под сомнение сам тезис о первостепенной важности личностной рефлексии для понимания развития современного подростка, процесса взросления.

Подростковая и юношеская рефлексия, интроспекция, как уже было сказано, когда-то считались (и были) характерными признаками переходного возраста, что проявлялось, в частности, в ведении дневниковых записей, писании писем друзьям, подругам, просто незнакомому, далекому собеседнику. В конце XIX — начале XX в. многие психологические исследования базировались именно на анализе юношеских дневников. Затем в течение нескольких десятилетий рефлексия, интроспекция, «самокопание» расценивались как буржуазный пережиток, который свойственен только большим индивидуалистам и эгоистам и не может быть чертой советского школьника-коллективиста. Заметим, что это было не просто идеологической установкой, но и действительно стало реальной психологической чертой нескольких поколений, выявленной и в психологических исследованиях. В конце XX в. ситуация стала резко меняться. У подростков стало все более проявляться стремление к индивидуализации, утверждение своего уникального Я.

Однако при стремлении к индивидуализации и осознанию, утверждению собственного Я оказались утраченными способы для достижения этого. Подростки перестали вести дневники, в том числе и потому, что их не вели их родители. Культура эпистолярного жанра тоже была утеряна.

В настоящее время в связи с развитием информационных технологий — социальных сетей, мобильной связи — ситуация как будто меня-

ется. Современный подросток почти все время пишет — либо sms-ки, либо сообщения в Твиттере. Однако функция и содержание этих текстов принципиально иные, чем дневников и писем прошлых веков. Функция последних — разобраться в себе, содержание — мысли, переживания о себе, о жизни, сравнение своих переживаний с переживаниями других людей, литературных героев. Функция современных текстов — рассказать «нечто» другим, причем это «нечто» — совсем не то, что было ранее объектом личностной рефлексии. Это рассказ о сиюминутных событиях. И если для полноценной личностной рефлексии необходимо было остаться наедине с самим собой (только в этой ситуации люди писали свои дневники и письма), то современное общение в социальных сетях — это как раз способ никогда не оставаться наедине с самим собой, боязнь, по выражению одного из современных молодых людей, «выпасть из потока жизни».

Еще одним средством развития самосознания традиционно считается доверительное общение с другом, любимым человеком, узким кругом близких друзей. Но в настоящее время такие формы общения становятся все большей редкостью. Доминирует то, что А.В. Толстых назвал в свое время «зрелищным общением», в котором «Я» заменяется на «Мы», обращенность к собственной личности — поглощенностью восприятием зрелища, которым может быть и футбольный матч, и дискотека, и флэшмоб, и — в пределе — вся жизнь [Толстых, 2000]. Подчеркнем, что А.В. Толстых увидел, описал и дал название явлению, которое в 80-х годах только зарождалось, а сегодня может быть с полным основанием оценено как одна из болевых точек психологии современного подростка, все последствия которого для формирования личности, пока трудно прогнозировать.

ЛИТЕРАТУРА

- Божович Л.И.* Личность и ее формирование в детском возрасте. СПб.: Питер. 2008. С. 351—352.
- Буреломова А.С.* Социально-психологические особенности ценностей современных подростков: дис. ... канд. психол. наук. М. 2013. 195 с.
- Драгунова Т.В.* О некоторых психологических особенностях подростка // Вопросы психологии личности школьника. М. 1961. С. 135—136.
- Журавлева Н.А.* Динамика ценностных ориентаций личности в российском обществе. М.: Издательство «Институт психологии РАН». 2006. 335 с.
- Золотухина М.* Взросление по-американски: смена вех // «Отечественные записки». 2014. № 5 (62).
- Кузьмина Е.* Взрослый китаец: супергерой или вечный ребенок? // «Отечественные записки» 2014, № 5 (62).
- Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат. 1975. 304 с.
- Мид М.* Культура и мир детства. Избранные произведения. М.: Наука. 1988. 429 с.

- Прихожан А.М.* Тревожность у детей и подростков: психологическая природа и возрастная динамика. М.: Моск. психолого-соц. ин-т; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК». 2000. 304 с.
- Прихожан А.М., Толстых Н.Н.* Подросток в учебнике и в жизни. М.: Знание. 1990.
- Прихожан А.М., Толстых Н.Н.* Подросток в учебнике и в жизни: кризис тринадцати лет // на пороге взросления: сб. научных статей / Ред. Л.Ф. Обухова, И.А.Корепанова. М.: МГППУ. 2011. С. 14—22.
- Райс Ф., Долджин К.* Психология подросткового и юношеского возраста. 12-е изд. СПб.: Питер. 2010. 816 с.
- Собкин В.С.* Подросток в мире политики. Эмпирическое исследование. М.: ЦСО РАО. 1997. 320 с.
- Собкин В.С., Абросимова З.Б., Адамчук Д.В., Баранова Е.В.* Подросток: нормы, риски, девиации. Труды по социологии образования. Т. X. Вып. XVII / Под ред. В.С. Собкина. М.: ЦСО РАО. 2005. 441 с.
- Собкин В.С., Кузнецова Н.И.* Российский подросток 90-х: Движение в зону риска. Аналитический доклад. М.: ЮНЕСКО. 1998. 120 с.
- Собкин В.С., Писарский П.С.* Динамика художественных предпочтений старшеклассников. По материалам социологических исследований. М.: Министерство образования РФ. 1992. 79 с.
- Толстых А.В.* Опыт конкретно-исторической психологии личности. СПб.: Алетейя. 2000. 288 с.
- Толстых Н.Н.* Тенденции изменения мотивации и временной перспективы российских подростков // Ребенок в современном обществе / Под ред. Л.Ф. Обуховой И.А. Корепановой. М.: МГППУ. 2007. С. 142—150.
- Толстых Н.Н.* Хронотоп: культура и онтогенез. Москва; Смоленск: Универсум. 2010. 312 с.
- Толстых Н.Н., Прихожан А.М.* Психология подросткового возраста. М.: ЮРАЙТ. 2016. 406 с.
- Arnett J.J.* Emerging adulthood: A theory of development from the late teens through the twenties. *American Psychologist*. 2000. № 55(5). 469—480.
- Arnett J.J.* Emerging adulthood(s): The cultural psychology of a new life stage. In J.J. Arnett (Ed), *Bridging cultural and developmental approaches to psychology: New synthesis in theory, research, and policy*. Oxford: University Press. 2011. P. 255—275.
- Chao R.K.* Beyond parental control and authoritarian parenting style: understanding Chinese parenting through the cultural notion of training // *Child development*. 1994. № 65. P. 1111—1119.
- Chao R.K., Sue S.* Chinese parental influence and their children's school success: a paradox in the literature on parenting styles // Rao N., Bond M.H., McBride-Chang C., Fielding R., Kennard B.D. Chinese dimensions of parenting: broadening western predictors and outcomes // *International Journal of Psychology*. 1998. № 33(5). P. 345—358.
- Furstenberg F.Jr., Kennedy S., McCloyd V.C., Rumbaut R.G. & Settersten R.A., Jr.* *Growing up in hard times*. Contexts. 2004. № 3. P. 33—41.
- Larry J. Nelson, Sarah Badger, Bo Wu.* 2004. P. 30.
- Pew Research Center. Izzo Ph. Number of Weeks: What if Young Adults Don't Want to Leave Home? // *The Wall Street Journal*. 2012.

MODERN MATURATION

N.N. TOLSTYKH

On a material of foreign and domestic studies discusses the problems of the modern get older involving the periods of adolescence, youth and early life . It is shown that different countries have different ideas about who is considered an adult, and that these representations, as well as markers of adulthood has changed markedly over the past decade. In most countries as a result of the recent socio-cultural changes observed lengthening of the period of adolescence that today not only ends with the end of adolescence, but takes almost the whole period of youth, covering the third dozen of human life. Along with the increase in time of maturing, there is a marked change in the content of such age periods as adolescence and youth.

Keywords: maturity, moratorium, adolescence, youth, early life, markers of adulthood, a sense of maturity, self-consciousness, collectivist culture, individualistic culture, socio-cultural changes.

- Bozhovich L.I.* Lichnost' i ee formirovanie v detskom vozraste. SPb. 2008. pp. 351—352.
- Burelomova A.S.* Social'no-psihologicheskie osobennosti cennostei sovremennykh podrostkov. Dis. ... kand, psihol. nauk. M. 2013. 195 p.
- Dragunova T.V.* O nekotorykh psihologicheskikh osobennostyakh podrostka // *Voprosy psihologii lichnosti shkol'nika*. M. 1961. pp. 135—136.
- Zhuravleva N.A.* Dinamika cennostnykh orientacii lichnosti v rossiiskom obshestve. M.: Izdatel'stvo «Institut psihologii RAN». 2006. 335 p.
- Zolotuhina M.* Vzroslenie po-amerikanski: smena veh // «Otechestvennye zapiski». 2014. no. 5(62).
- Kuz'mina E.* Vzroslyi kitaec: supergeroi ili vechnyi rebenok? // «Otechestvennye zapiski» 2014, no. 5(62).
- Leont'ev A.N.* Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'. M.: Politizdat, 1975. 304 p.
- Mid M.* Kul'tura i mir detstva. Izbrannye proizvedeniya. M.: Nauka, 1988. 429 p.
- Prihozhan A.M.* Trevozhnost' u detei i podrostkov: psihologicheskaya priroda i vozrastnaya dinamika. M.: Mosk. psihologo-soc. in-t; Voronezh: Izd-vo NPO "MODEK". 2000. 304 p.
- Prihozhan A.M., Tolstykh N.N.* Podrostok v uchebnike i v zhizni. M.: Znanie. 1990.
- Prihozhan A.M., Tolstykh, N.N.* Podrostok v uchebnike i v zhizni: krizis trinadcati let // na poroge vzrosleniya. Sbornik nauchnykh statei / Red. L.F. Obuhova, I.A. Korepanova. M.: MGPPU. 2011. pp. 14—22.
- Rais F., Doldzhin K.* Psihologiya podrostkovogo i yunosheskogo vozrasta. 12-e izd. SPb.: Piter. 2010. 816 p.
- Sobkin V.S.* Podrostok v mire politiki. Empiricheskoe issledovanie. M.: CSO RAO. 1997. 320 p.
- Sobkin V.S., Abrosimova Z.B., Adamchuk D.V., Baranova E.V.* Podrostkok: normy, riski, deviacii. Trudy po sociologii obrazovaniya. Tom H. Vypusk XVII / Pod red. V.S. Sobkina. M.: CSO RAO. 2005. 441 p.
- Sobkin V.S., Kuznecova N.I.* Rossiiskii podrostok 90-h: Dvizhenie v zonu riska. Analiticheskii doklad. M.: YuNESKO, 1998. 120 p.

- Sobkin V.S., Pisarskii P.S.* Dinamika hudozhestvennykh predpochtenii starsheklassnikov. Po materialam sociologicheskikh issledovaniy. M.: Ministerstvo obrazovaniya RF. 1992.
- Tolstyh A.V.* Opyt konkretno-istoricheskoi psikhologii lichnosti. SPb.: Aleteiya. 2000. 288 p.
- Tolstyh N.N.* Tendencii izmeneniya motivacii i vremennoi perspektivy rossiiskikh podrostkov // Rebenok v sovremennom obshestve / Pod red. L.F. Obuhovoi, I.A. Korepanovoi. M.: MGPPU. 2007. pp. 142—150.
- Tolstyh N.N.* Hronotop: kul'tura i ontogenez. Moskva-Smolensk: Universum. 2010. 312 p.
- Tolstyh N.N., Prihozhan A.M.* Psikhologiya podrostkovogo vozrasta. M.: YuRA'T. 2016. 406 p.
- Arnett J.J.* Emerging adulthood: A theory of development from the late teens through the twenties. *American Psychologist*. 2000. 55(5). pp. 469—480.
- Arnett J.J.* Emerging adulthood(s): The cultural psychology of a new life stage. In J.J. Arnett (Ed), *Bridging cultural and developmental approaches to psychology: New synthesis in theory, research, and policy*. Oxford: University Press. 2011. pp. 255—275.
- Chao R.K.* Beyond parental control and authoritarian parenting style: understanding Chinese parenting through the cultural notion of training // *Child development*. 1994. no. 65. pp. 1111—1119.
- Chao R.K., Sue S.* Chinese parental influence and their children's school success: a paradox in the literature on parenting styles // Rao N., Bond M.H., McBride-Chang C., Fielding R., Kennard B.D. *Chinese dimensions of parenting: broadening western predictors and outcomes* // *International Journal of Psychology*. 1998. no. 33(5). pp. 345—358.
- Furstenberg F. Jr., Kennedy S., McCloyd V.C., Rumbaut R.G. & Settersten R.A., Jr.* *Growing up in hard times*. Contexts. 2004. no. 3. pp. 33—41.
- Larry J. Nelson, Sarah Badger, Bo Wu.* 2004. P. 30.
- Pew Research Center. Izzo Ph. Number of i Week: What if Young Adults Don't Want to Leave Home? *The Wall Street Journal*. 2012.